Е. Н. Проскурина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**ПРИЕМЫ АВАНГАРДНОЙ ПОЭТИКИ
В РАССКАЗЕ В. ЗАЗУБРИНА «БЛЕДНАЯ ПРАВДА» ***

Исследуются приемы поэтики в рассказе В. Зазубрина «Бледная правда», созданном в 1923 году. Это ранний период творчества писателя, отмеченный близостью к авангардному типу художественности. Рассказ продолжает тему «двух миров». Ей посвящен роман Зазубрина с одноименным названием, а также повесть «Щепка». Однако борьба «двух миров», нового и старого, переведена в рассказе в бытовую сферу эпохи нэпа. Главным стержнем сюжета оказывается не военный конфликт, а столкновение бескомпромиссного героя – борца с обывательской средой. Так на новом тематическом материале Зазубриным воплощается идея деформации идеального образа Революции, заявленная в «Щепке». Новые хозяйственные отношения в стране открыли возможность экономическим преступлениям. Жертвой таких преступлений и оказывается герой, назначенный партией на должность заведующего крупной продовольственной конторой и не распознавший среди своих подчиненных жуликов и воров. Однако, несмотря на трагическую судьбу героя, Революция, как и в повести «Щепка», в рассказе сохраняет ореол святости. Столкновение «двух миров» выражено автором через приемы контрастной поэтики. В цветовой палитре образа главного героя Аверьянова доминируют огненные оттенки красного цвета, символизирующие его преданность революционной идее, бескомпромиссность. Автор во многом наделил своего героя собственными чертами характера. В изображении антигероя Латчина отсутствует цвет, однако через поэтику телесности, округлость движений показана его изворотливость, противопоставленная резкой угловатости Аверьянова. На стилистическом уровне черты авангардного письма выражены в рассказе через семантически нагруженные звуковые повторы, гиперболизацию метафор, перечислительность, нанизывание однородных членов, обилие эллиптических конструкций. Названные поэтические характеристики позволяют увидеть в «Бледной правде» проявления Wortkunst'a (термин О. А. Ханзена-Лёве), для которого характерна концентрация на слове, звуке, генерирующая смысловую плотность текста. Экспрессия повествовательной речи служит одним из способов выражения авторской позиции.

Ключевые слова: сибирская литература, творчество В. Зазубрина, рассказ «Бледная правда», авангардная поэтика.

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РГНФ № 16-04-00268 «Сибирский авангард 1920–1930-х годов: газета, журнал, альманах, сборник».

Проскурина Елена Николаевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, motive@philology.nsc.ru)

Рассказ В. Зазубрина «Бледная правда» был написан в 1923 году, почти одновременно с повестью «Щепка», сюжет которой строится на основе кровавых будней Сибчека. Это ранний период творчества писателя, отмеченный близостью к авангардному типу художественности. Однако если повесть писателю так и не удалось опубликовать ни в одном издании, не только сибирском, но и московском по причине выбранной темы (подробно см.: [Яранцев, 2012, с. 62–85]), то «Бледная правда» была издана в том же 1923 году в четвертом номере журнала «Сибирские огни». После первой публикации рассказ не переиздавался вплоть до 1972 года, когда по инициативе сибирского критика Н. Яновского был переиздан во втором томе «Литературного наследства Сибири». Еще раз это произведение увидело свет в 1990 году в сборнике сочинений В. Зазубрина «Общежитие», выпущенном в свет Новосибирским книжным издательством.

«Бледная правда» продолжает тему «Двух миров». Так названо дебютное произведение писателя, опубликованное в 1921 году и получившее статус «первого советского романа», выдержав более десятка переизданий уже в первые годы после публикации. Однако в «Бледной правде» столкновение «двух миров» развивается на ином, бытовом материале. Историческое время в рассказе – период нэпа. По причине малой известности произведения приведем краткий пересказ его сюжета. Герой рассказа Аверьянов, кузнец «с железными сгустками мускулов» [Зазубрин, 1990, с. 92]¹, пройдя Первую мировую и Гражданскую войны, после победы «красных» определен партией в начальники «дома лишения свободы» (с. 92), где выпрашивает у посетившего тюрьму М. И. Калинина отмену смертного приговора четырем заключенным, среди которых бывший колчаковский интендант Латчин. О прошлом этих четырех смертников Аверьянов ничего не знает, ему лишь хочется, чтобы «всероссийский староста» оставил по себе добрую память. Вскоре героя ждет новое назначение, на этот раз комиссаром Упродкома, крупной продовольственной конторы. Аверьянов не знаком с этой работой и берет себе в помощники Латчина «как спеца по бумажной части» (с. 98). Работая на износ, отдавая всего себя новому делу, герой не замечает творящегося вокруг него воровства, которое умело прикрывает Латчин подделкой документации. Случайно узнав всю «бледную правду», Аверьянов немедленно передает сведения в ГПУ. Однако Латчин и его сподручные переводят всю вину на Аверьянова как инициатора экономического преступления, в результате чего длящийся несколько дней суд выносит оклеветанному герою вместе с истинными виновниками суровый приговор: расстрел.

«Два мира» в «Бледной правде» – это, с одной стороны, мир Аверьянова, включенного в трудную послевоенную борьбу за построение социализма, и мир, порожденный новой экономической политикой, открывшей путь «жулью». Так на новом тематическом материале воплощается идея деформации идеального образа Революции, наиболее рельефно реализованная в «Щепке». Как и в предыдущих произведениях Зазубрина, изображение новых «двух миров» дано через приемы контрастной поэтики. Простой и понятный герою мир кузницы, который сменился для него миром войны – новой кузницы, где «винтовка стучала, как молоток» (с. 92), представлен в черных и красных тонах:

...черный, чадный, едкий дым и красный жар от пылающего горна... красные, раскаленные сгустки железа в черных, цепких пальцах клещей, огненные брызги искр. <...> Потом, когда забрали на войну... под ударами тысяч кузнецов грохотало, колыхало огнем раскаленное железо, искрами визгливыми летели куски свинца и стали, горнами горели города. <...> Кузница. Как в кузнице, как кузнец (с. 92).

¹ Далее ссылки на это издание делаются в круглых скобках с указанием страниц.

Уже в этом фрагменте из экспозиции рассказа прослеживаются черты авангардного письма, выраженного через семантически нагруженные звуковые повторы. Так, чадность мира кузницы передана повторением звука «ч»; мотив «мирового пожара» (А. Блок) какковки нового мира реализуется тройным повторением звукосочетания «гор»: «горнами горели города», высокой частотностью звука «к», свист пуль – нанизыванием звука «с». Вместе с тем в первых же строках заявляет о себе характерная для творчества Зазубрина начала 1920-х годов гиперболизация метафор. Перечислительность, нанизывание однородных членов, обилие эллиптических конструкций создают в тексте смысловую плотность. Все названные приемы позволяют увидеть в начале рассказа проявления *Wortkunst*'а, с характерной для него концентрацией на слове, звуке (подробно см.: [Ханзен-Лёве, 2016]).

Основные из этих характеристик сохраняются на протяжении всего повествования. Однако цветовая и звуковая палитра рассказа резко меняется при переходе от военной части сюжетной линии героя к бытовой. Канцелярско-бюрократический комплекс мотивов сопровождается обилием шипящих, скрежещающих звуков. Здесь доминирует заземленная, низменная символика:

...шшш-ш-ш-шшш...

Бездушная, бумажная саранча, прожорливая саранча. В самой гуще, среди стрекочущих, скребущих, шелкающих, шелестящих множеств – мечущийся, махающий руками, ругающийся рыжий комиссар.

Саранча бумажная – муть бумажная (с. 98).

Огненный характер героя символизирован его рыжими волосами. Экцентричность, жесткий стиль поведения, бескомпромиссность, угловатость – через резкость жеста, речи:

Аверьянов – рыжий, длинноусый, длинноногий, неуклюжий в зеленой гимнастерке, в защитных штанах, в бурых огромных растоптанных катанках, махал руками, ругался, грозил:

– Всех к стенке! Все сволочи! Жулье!

Кровью наливались, красными рубинами лезли из медно-желтой оправы век узкие, косоватые глаза комиссара, огнем пылала всклокоченная рыжая жесткая грива волос.

– Тигра! Чистая тигра! (с. 96).

Совершенную противоположность Аверьянову представляет собой Латчин. При его изображении автор избегает цветовых характеристик, зато в портрете акцентированно выделяет «бритое пухлое лицо», «большие черные круглые глаза» (с. 98), «мягкие, пухлые, ловкие пальцы» (с. 99). Изворотливость Латчина показана через поэтику телесности, округлость движений, противопоставленных резкой угловатости Аверьянова. «Тигриная» природа героя в антигерое трансформируется в кошачью.

В образе Аверьянова, отмеченном обостренностью переживаний, болезненным восприятием действительности, бескомпромиссностью, распознаются черты характера самого автора рассказа. Так, писатель Е. Пермитин увидел его при первом знакомстве «страстным, вечно кипящим, как бы сжигаемым внутренним огнем великаном» [Литературное наследство Сибири, 1972, с. 417]. По переданным ему слухам, «Зазубрин человек вспыльчивый, нервный... при возбуждении у него лицо мгновенно багровеет» [Там же]. По воспоминаниям современников, Зазубрин был «деятелен и горяч, не терпел несправедливости, неискренности в людях и прямо в глаза с возмущением говорил им об этом, наживая своей прямолиней-

ностью недоброжелателей и врагов» [Там же, с. 398]; «нетерпимость к... человеческим порокам была так обострена в Зазубрине, что он ожесточался даже против обычных, совершенно безобидных слов и поступков» [Литературное наследство Сибири, 1972, с. 412]; «Владимир Яковлевич – человек острого ума и почти болезненной чувствительности. Кровь так и ходит под тонкой кожей, то отливает, то приливает к лицу. <...> В спорах и оценках был прям, резок и неліцеприятен» [Там же, с. 425] и др.

В образе Латчина исследователь В. Яранцев увидел параллель с образом Ратчина из романа Б. Пильняка «Голый год»: обоих героев, с его точки зрения, «объединяет обывательско-торгашеская суть» [Яранцев, 2012, с. 103]. Действительно, тождество фамилий, различающихся лишь одной начальной буквой, вряд ли случайно. Однако ответ на этот вопрос требует более детального исследования, знакомства с рукописью рассказа. На наш взгляд, вероятнее всего, образ антигероя «Бледной правды» был уже создан к тому моменту, когда Зазубрин мог познакомиться с романом Пильняка, опубликованном в 1922 году в издательстве З. И. Гржебина, находившемся к тому времени в Берлине. Увиденное писателем сходство своего отрицательного персонажа с персонажем Пильняка могло его подтолкнуть на изменение уже придуманной ему фамилии. Межыменную переключку Зазубрин сигнализирует приемом почти полного совпадения. Но это лишь гипотеза, требующая архивного подтверждения.

Характерное для Аверьянова «нервическое состояние духа» исследователи относят к одному из свойств экспрессионистской поэтики [Крылова, 2017]. При этом выделяются две тенденции внутри самого течения: интеллектуальная и эмоциональная. Для первой характерно последовательное очищение формы во имя достижения строгой выразительности символа, для второй – язык, предельно нагруженный поэтическим смыслом (см.: [Ришар, 2003]). На наш взгляд, творчество Зазубрина относится ко второй тенденции, поскольку автору важна не столько чистота поэтического символа, сколько выраженный через поэтику основной смысл². Несомненно, будучи талантливым самоучкой, он следил за литературным процессом, учился как у классиков, так и у своих современников. Однако оставался при этом оригинальным автором.

Мотивный образ человека-щепки актуализирует связь «Бледной правды» с повестью «Щепка». При этом в «Бледной правде» этот образ получает более развернутую характеристику, звучащую в финале:

Революция...

...Революция – мощный, мутный, разрушающий и творящий поток. Человек – щепка. Люди – щепки. Но разве человек-щепка конечная цель Революции? Через человека-щепку, через человеческую пыль, ценою отдельных щепок, иногда, может быть, и ненужных жертв, ценою человеческой пыли, к будущему прекрасному человечеству!.. Но что это? Я, кажется, начинаю оправдывать Революцию? Разве она нуждается в оправданиях? Она, рождением своим показавшая, что человек еще жив, что у него есть будущее!..» (с. 136).

Трагическая судьба Аверьянова, как и судьба героя «Щепки» Срубова, – жертвоприношение на алтарь Революции, которая в рассказе, как и в повести, написана с прописной буквы, т. е. остается для Зазубрина делом святым. Не случайно сентенция, завершающая рассказ, звучит из уст беллетриста Зуева, в чем можно усмотреть параллель с позицией автора, как происходит это и в финале «Щепки», где Зазубрин обходится без героя-посредника:

² Зазубрин сам осознавал, что ради донесения смысла часто жертвует художественной стороной своего произведения (см.: [Зазубрин, 1988, с. 5]).

А Ее с битого стекла заговоров, со стрихнина саботажа рвало кровью, и пухло ее брюхо (по-библейски – чрево) от материнства, от голода. И, израненная, окровавленная своей и вражьей кровью... оборванная, в серо-красных лохмотьях, во вшивой грубой рубахе, крепко стояла Она босыми ногами на великой равнине, смотрела на мир зоркими гневными глазами (с. 90).

Переключка обоих финалов дает основание прочесть образ революции в «Бледной правде» в контексте мотивной структуры, заложенной в «Щепке», где отчетливо высвечивается богородичное начало (подробно см.: [Проскурина, 2002; Проскурина, 2018]). Таким образом, поединок «двух миров» в рассказе, переведенный из военного сюжета (роман «Два мира») через чекистский (повесть «Щепка») в бытовой, «нэпманский» вариант, сохраняет для Зазубрина за новым, революционным миром потенциал счастливого будущего, несмотря на деформированность идеального образа самой Революции в настоящем. Основная идея рассказа выражена характерными для автора приемами авангардного письма, где в качестве основных можно назвать экспрессивность, резкую очерченность образов, контрастность цвета, звука, лексическую плотность художественного высказывания.

Список литературы

- Зазубрин В. Два мира. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1988. 335 с.
- Зазубрин В. Общежитие. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1990. 414 с.
- Крылова Д. П. Поэтика экспрессионизма как основа изображения города в поэзии русских авангардистов // Гуманитарные науки. 2017. Январь. URL: <http://www.nauteh-journal.ru/index.php/ru/--gn17-01/3151-a> (дата обращения 26.08.2018).
- Литературное наследство Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1972. Т. 2. 444 с.
- Проскурина Е. Н. Конфликт двух миров в творческой судьбе В. Я. Зазубрина // Сибирь. Литература. Критика. Журналистика. Памяти Ю. С. Постнова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. С. 159–174.
- Проскурина Е. Н. Перипетии поэтики В. Зазубрина в зеркале литературной судьбы (на материале романа «Два мира» и повести «Щепка») // Сюжетология и сюжетогрфия. 2018. № 1. С. 64–81.
- Ришар Л. Энциклопедия экспрессионизма: Живопись и графика. Скульптура. Архитектура. Литература. Драматургия. Театр. Кино. Музыка. М.: Республика, 2003. 432 с.
- Ханзен-Лёве О. А. Развертывание, реализация // Критика и семиотика. 2016. № 2. С. 9–40.
- Яранцев В. Зазубрин. Человек, который написал «Щепку». Новосибирск, 2012. 751 с.

E. N. Proskurina

Novosibirsk, Russian Federation

METHODS OF AVANT-GARDE POETICS IN THE STORY OF V. ZAZUBRIN «PALE TRUTH»

The article explores the techniques of poetics in the story of V. Zazubrin «Pale Truth», created in 1923. This is the early period of the writer's work, marked by the proximity to the avant-garde type of artistry. The story continues the theme of «two worlds». She dedicated to Zazubrin's novel of the same name, as well as the story «Sliver». However, the struggle between the «two worlds», the new and the old, is translated into a narrative into the everyday sphere of

the NEP era. The main core of the plot is not a military conflict, but a clash of an uncompromising hero fighter with a philistine environment. So, on a new thematic material, Zazubrin embodies the idea of deformation of the ideal image of the Revolution, declared in the «Sliver». New economic relations in the country opened up the possibility of economic crimes. The victim of such crimes is the hero appointed by the party to the post of head of a large food office and not recognizing among his subordinates crooks and thieves. However, despite the tragic fate of the hero, the Revolution, like in the story «Sliver», in the story retains a halo of holiness. The clash of the «two worlds» is expressed by the author through techniques of contrasting poetics. In the color palette of the image of the protagonist Averyanov, the fiery shades of red dominate, symbolizing his devotion to the revolutionary idea, uncompromising. The author in many ways endowed his hero with his own character traits. In the depiction of the antihero Latchin there is no color, but through the poetics of corporeality, the roundness of the movements shows his resourcefulness, contrasted with the sharp angularity of Averyanov. At the stylistic level, the features of avant-garde letters are expressed in the story through semantically loaded sound repetitions, the hyperbolization of metaphors, enumeration, the stringing of homogeneous members, the abundance of elliptical structures. These poetic characteristics allow us to see in the «Pale Truth» manifestations of Wortkunst (the term O. A. Hansen-Löve), which is characterized by concentration on the word, the sound that generates the semantic density of the text. Expression of the narrative speech serves as one of the ways of expressing the author's position.

Keywords: Siberian literature, V. Zazubrin's works, the story «Pale Truth», avant-garde poetics.

References

- Hansen-Löve O. A. Razvertyvaniye. realizatsiya [Unfolding, Realization]. *Critique & Semiotics*, 2016, no. 2, p. 9–40. (in Russ.)
- Krylova D. P. Poetika ekspressionizma kak osnova izobrazheniya goroda v poezii russkikh avangardistov [The Poetics of Expressionism as the Basis for the Image of the City in the Poetry of Russian Avant-gardists]. *Gumanitarnye nauki*, 1017, January. URL: <http://www.nauteh-journal.ru/index.php/ru/--gn17-01/3151-a> (accessed: 26.08. 2018). (in Russ.)
- Literaturnoe nasledstvo Sibiri [Literary heritage of Siberia]. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1972, vol. 2, 444 p. (in Russ.)
- Proskurina E. N. Konflikt dvukh mirov v tvorcheskoi sud'be V. Ya. Zazubrina [The conflict between two worlds in the artistic destiny of V. Ya. Zazubrin]. *Sibir'. Literatura. Kritika. Zhurnalistika. Pamjati Yu. S. Postnova* [Siberia. Literature. Criticism. Journalism. In memory of Yu. S. Postnov]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2002, p. 159–174. (in Russ.)
- Proskurina E. N. Peripetii poetiki V. Zazubrina v zerkale literaturnoy sudby (na materiale romana «Dva mira» i povesti «Shchepka») [Peripetia of poetics by V. Zazubrin in the mirror of literary destiny (on the novel «Two worlds» and the story «Sliver»)]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*, 2018, no. 1, p. 64–81. (in Russ.)
- Richard L. Entsiklopediya ekspressionizma: Zhivopis i grafika. Skulptura. Arkhitektura. Literatura. Dramaturgiya. Teatr. Kino. Muzyka [Encyclopedia of Expressionism: Painting and Graphics. Sculpture. Architecture. Literature. Dramaturgy. Theater. Cinema. Music]. Moscow, Respublika, 2003, 432 p. (in Russ.)
- Yarantsev V. Zazubrin. Chelovek, kotoryi napisal «Shchepku» [Zazubrin. The person who wrote the «Sliver»]. Novosibirsk, 2012, 752 p. (in Russ.)
- Zazubrin V. Dva mira [Two Worlds]. Novosibirsk, Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1988, 335 p. (in Russ.)
- Zazubrin V. Obshhezhitie [Dormitory]. Novosibirsk, Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990, 414 p. (in Russ.)

Elena N. Proskurina – Doctor of Philology, Chief Researcher of the Section of Literary Studies of the Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (8 Nikolayev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, motive@philology.nsc.ru)